

Из старых историй мы должны
сделать новые жизни.

Кэролайн Хейлбрюн.
«Что распускала Пенелопа?»

Неделя первая

Начало

Женщины собираются в подвальной комнате отдыха «УМСА»¹: твердый пол, застеленный линолеумной плиткой, вдоль одной стены половинчатые окна, из которых открывается вид на тротуар и кирпичную стену. Только что пошел седьмой час вечера пятницы, и наверху кипит жизнью Нью-Йорк. Там, наверху, люди вываливаются со станций подземки в солнечный жар, стремясь навстречу туристическим увеселениям, ресторанам, вечеринкам и друзьям.

Что бы ни делали люди вечером в пятницу, женщины в подвале не делают этого. Вместо этого они расставляют складные металлические стулья и слушают, как резиновые накладки скрипят по полу, когда женщины усаживаются в круг. Берут с низкого раздвижного стола печенье с шоколадной крошкой, разливают — несмотря на жару — кофе в бумажные стаканчики, сдабривая его сухими сливками. Пишут свои имена на белых прямоугольных бейджиках и прижимают эти бейджики к груди. Но сразу же после этого бейджики начинают откле-

---

¹ «УМСА» (англ. Young Men's Christian Association) — «Ассоциация молодых христиан», молодежная волонтерская организация.

иваться, словно понимая, чего больше всего хотят эти женщины: избавиться от своей истории, начать заново.

Но они не могут избежать своих имен, они не могут избежать своих историй.

Все они получили копии одного и того же электронного письма.

«Личная травма, публичная известность?» — вопрошал заголовок.

«Необычная история?» — спрашивало письмо.

Оно продолжалось новыми вопросами: чувствуют ли они себя одинокими или непонятыми? Могут ли выделить у себя определенные симптомы: повторяющиеся кошмары, навязчивые мысли, оцепенение, аутоагрессия, гнев, скорбь, вина, стыд? Заинтересованы ли в бесплатном курсе экспериментальной групповой терапии? Не хотят ли выделить время на отборочное занятие?

Они не хотели.

Бернис прочла письмо, а потом удалила его. Гретель пометила письмо как «спам». Руби прочла половину, затем пометила как «непрочитанное», и оно присоединилось к 5000 «непрочитанных» писем у нее в почте. Эшли даже не видела его, потому что пыталась избегать интернета. Рэйна прочла сообщение и оставила его во входящих, где оно опускалось в списке все ниже и ниже, пока вообще не исчезло с первой страницы.

К тому времени пришло еще одно письмо, а затем еще одно, и еще одно.

Эшли, в момент слабости открывшая свою учетку, сразу же записалась на отборочное занятие. Руби ответила на третье письмо, сидя в одиночку в баре — она решила, что если даже это какой-то обман, оно, по край-

ней мере, сможет ее развлечь. Бернис и Рэйна ответили на четвертое письмо, подумав, что от отборочного занятия вреда не будет.

Гретель держалась до последнего. Посреди бессонной ночи, чувствуя почти все симптомы, перечисленные в письме, она проверила свою папку со спамом. Удалила четыре из пяти одинаковых писем. Курсор мыши завис над пятым. Что ей теперь уже оставалось терять, в самом деле?

Должно быть, были и другие, получившие письмо — но они не отозвались на него или отозвались, но не прошли отборочное занятие, или же прошли отборочное занятие, но решили не приходить на все следующие.

Быть может, те люди поступили правильно, думают сейчас женщины, ерзя на стульях, вертя в пальцах мобильные телефоны, роясь в своих сумочках, поглядывая друг на друга и притворяясь, будто не смотрят на своих соседок, пытаясь соединить лица с именами, а имена — с историями.

История Бернис недавно появилась в новостях. До этого момента остальные женщины знали ее лишь по прозвищу, которое дали ей СМИ: Женщина Синей Бороды. Темные и странные секреты эксцентричного миллиардера с бирюзово-синей бородой, ставшей его фирменной маркой, в начале этого лета занимали первые полосы газет — в течение двух или трех недель. Даже если ты не обращал на прессу внимания, то все равно подробности сыпались на тебя со всех сторон.

Бернис еще не давала интервью. На снимке, показанном Си-эн-эн, были видны двойной подбородок

и легкая усмешка, а карий глаз с подозрением выглядывал из-под яркого зонтика. Комментаторы отмечали: «Почему она прячется?», «Радужный зонтик — на похоронах?», «Почему она оделась именно в синее платье?» Но здесь, в реальной жизни, а не под прицелом камер Си-эн-эн, тихо поедая печенье, она выглядит менее подозрительной, менее скрытной, менее полной. Ее безыскусный офисный костюм, усталые глаза, наполовину обкусанные ногти — все это кажется таким нормальным, таким обычным, что все сенсационные статьи словно не имеют к ней никакого отношения.

Что касается Гретель, все они слышали ее имя, и раз уж она здесь, то это почти наверняка *та самая* Гретель. Героиня странной истории о похищении, которая два с лишним десятилетия назад приковала к себе внимание всей страны: брат и сестра пропали, а потом, три месяца спустя, нашлись во многих милях от дома. Снимок заново обретенных детей в объятиях счастливого отца стал одной из фотографий года в рейтинге «Таймс». Дети делали странные и поразительные заявления, хотя сами не могли прийти к единому мнению о том, что произошло. Заявления остались бездоказательными, но даже спустя кучу лет упрямые сыщики-любители продолжали искать доказательства и обсуждали теории на форумах, посвященных нераскрытым преступлениям.

На том знаменитом фото Гретель — сплошные локти, колени и спиральные кудряшки, миленькое клетчатое платьице и яркие блестящие глаза. Печально видеть ее сейчас, на четвертом десятке лет, зрелой женщиной со складками на лбу. Она по-прежнему худая, как тростинка, с коротко стриженной шапкой кудряшек. У ре-

бенка эти кудри смотрелись мило, у взрослой женщины — странно. Ее волосы слишком контрастируют с ее серьезным лицом — как будто облако приплыло и угнездилось у нее на голове. Вместо клетчатого платица она теперь носит джинсы и серую рубашку свободного покроя, на ногах у нее туфли из лакированной кожи от «Конверс»¹. Гретель сидит на стуле, сгорбившись и держа в ладонях нетронутый стаканчик кофе, с наушниками в ушах, избегая смотреть на кого-либо. Если по ней и можно считать ее настроение, то оно таково: она предпочла бы сейчас оказаться где-нибудь не здесь.

Рэйне почти сорок, она самая старшая из группы. Хотя догадаться об этом трудно. Она наделена привлекательной элегантностью. Макияж ее выглядит естественным, костюм классический, но практичный: хорошо скроенные черные брюки капри, стильные черные туфли на низком каблуке, воздушно-белая блузка с короткими рукавами, большая сумка-портфель из бежевой кожи, в ушах — серьги из натурального жемчуга. У нее длинная шея и гладкая прическа каре. Одна прядь постоянно выбивается из-за уха, и Рэйна заправляет ее обратно изящным движением пальцев с коротким французским маникюром. Она читает электронную книгу — якобы читает — и пьет кофе из гладкого белого стаканчика с теплоизоляционным покрытием. На левой руке у нее блестит помолвочное кольцо с бриллиантом рядом с павé² обручального кольца.

---

¹ «К о н в е р с» — американская компания, производящая обувь с начала XX века и наиболее известная своими кедами.

² П а в е — стиль закрепления камней, скрывающий металл и создающий видимость сверкающей дорожки.

Никто из остальных женщин не знает ее, ни в лицо, ни по имени, — хотя время от времени люди узнают ее, в основном тогда, когда она стоит рядом с мужем. Много лет назад ее история подняла целый шторм, хотя подробности всегда были расплывчаты, а теперь в основном забыты. Осталось только некое теплое чувство, которое люди испытывают, когда смотрят на ее супруга — ощущение, что стоящий перед ними человек отважен и добр.

Эшли — недавняя и сомнительная победительница «Избранницы» — самого популярного в стране реалити-шоу о знакомстве женщин с определенным мужчиной. Остальные женщины удивлены тому, что она оказалась среди них. Бейджик с ее именем гласит: «ЭШЛИ Е, 21, ТОРГОВЫЙ КОНСУЛЬТАНТ, ПАРК-ПОНД, ПА». Когда она вошла в комнату, на ней была летняя шляпа с мягкими широкими полями и большие солнечные очки. Она бродила по помещению, с подозрением заглядывая в каждый угол, даже заглянула за кофеварку и свой стул. Ее тронутые розовым блеском губы скептически кривились. Сейчас она сидит на раскладном стуле, обмахиваясь шляпой, закинув одну ногу, покрытую глянцевым загаром, на другую; солнечные очки убраны в сумочку, такую крошечную, что трудно представить, как в ней вообще что-то может уместиться.

В реальной жизни, как и на телевидении, Эшли выглядит трехмерной моделью себя самой. Черты ее лица выразительны, макияж нанесен весьма умело. Она довела до совершенства образ «секси-детки» — очаровательный и опасный одновременно: оленьи глаза, длинные ресницы, пухлые щеки, полные губы. Кожа у нее

невероятно гладкая, как будто размытая фильтром. Ресницы густые, ногти острые, клиновидные каблук высотой в три дюйма. Треугольный вырез на нежно-розовом комбинезоне настолько глубок, что заканчивается ниже ее груди, которые... осыпаны блестками? Помолвочное кольцо на ее левой руке настолько массивно, что сама рука кажется чем-то второстепенным. Но даже среди всего этого великолепия ее рот — рот, о котором так много было сказано — выделяется ярче всего. Широкий, выразительный, он кривится и изгибается, отражая каждую ее мысль. В нейтральном положении краешки губ чуть приподняты, словно в легкой усмешке.

Уилл — лидер группы, единственный мужчина среди них. Он наделен ненавязчивой красотой: густые каштановые волосы, мягкие, добрые глаза с зелеными крапинками; голубая рубашка подчеркивает спортивную фигуру, рукава закатаны до середины предплечий. Он держится с благожелательной властью, как молодой учитель старшей школы, которого все любят. Уилл отбирал каждую участницу группы на предварительном собеседовании, после которого в телефонном звонке заверил: хотя он не предполагал, что группа будет полностью женской, он по-прежнему в ответе за них и готов отвечать на индивидуальные запросы.

«Он действительно кажется внимательным», — думают женщины, пока Уилл обводит взглядом их круг, задерживаясь на каждой, чтобы поприветствовать ее — крошечный знак внимания, отмеченный подбадривающей улыбкой. Его зубы — чистая белизна. Глядя на них, каждая из женщин видит что-то свое. Бернис вспоминает белую, как кость, инкрустацию лазорево-голубого

туалетного столика. Эшли видит блеск собственного помолвочного кольца. Гретель видит твердый леденец, блестящий на солнце. Рэйна видит улыбку мужа — сплошные виниры.

Должны ли эти зубы на что-то намекать? В конце концов, они уже вложили свои судьбы в руки самых отъявленных психопатов — миллиардеров и продюсеров реалити-шоу, метафорических ведьм и отнюдь не метафорических волков. Быть может, им следует гадать — вероятно, чего-то не хватает? Особенно потому, что одна из них, еще не появившаяся здесь, уже совершила весьма значительную ошибку в отношении зубов.

Эшли громко вздыхает и окидывает взглядом комнату, ища часы, которых здесь нет. Как раз в тот момент, когда она намеревается спросить, который час, в коридоре раздается перестук высоких каблуков. Он становится громче и громче, пока дверь не распаивается и в комнату не врывается Руби, последняя участница группы. Она останавливается на полпути между дверью и кругом сидящих людей, чтобы перевести дыхание.

— Извините, извините, — произносит Руби. Ее раскрасневшееся лицо покрыто каплями пота. Губы обкусаны. Волосы в полном беспорядке: бóльшая их часть прилипла к потным щекам, остальные спутанными прядями свисают на плечи. Когда-то они были покрашены в розовый цвет, но теперь краска осталась только на нижних трех дюймах. Очки в прозрачной оправе сползли к кончику носа, их линзы смешно запотели. Как раз в тот момент, когда очки, кажется, готовы совсем упасть, Руби поправляет их.

Неудивительно, что она вспотела. На ней толстая шуба, серая от грязи и нелепая на летней жаре. Полы шубы распахнуты, обрамляя красную блузку и черную складчатую юбку; видна даже истертая подкладка шубы, сшитая из бежевого шелка. Широкий отворот, переходящий в капюшон, откинут на спину. Рукава такие длинные, что наружу выглядывают только кончики пальцев — в заусенцах, с обкусанными ногтями.

Руби вытирает со лба пот меховым рукавом, оставляя на коже жирный сероватый мазок, потом, прищурившись, обводит взглядом круг.

— Бейджики! — восклицает она и, цокая каблуками, направляется к столику с закусками, чтобы заполнить собственную карточку с именем.

Когда Руби снова поворачивается к группе, во рту у нее наполовину съеденное печенье с шоколадной крошкой. Бейджик виднеется среди меха шубы. «КРАСНАЯ КУРТОЧКА», — написано на нем размашистыми заглавными буквами. А ниже, буквами поменьше, выведено: «РУБИ». Она обхватывает одной рукой стул и втискивает его между Эшли и Рэйной. Эшли морщит нос.

— Добро пожаловать, — говорит Уилл, хлопая ладонями по бедрам. Голос его спокоен и ясен, как у телеведущего: успокаивающий, но с нотками серьезности. У него есть впечатляющая способность держать речь и одновременно сканировать круг собравшихся, изучать группу — словно телефон, постоянно проверяющий сигнал.

Он напоминает о том, почему они здесь, — выдает речь, которую они уже слышали каждая по отдельности: о новаторском предварительном исследовании по